

МУРЗИЖКА

ЭБ61-2110 НЭС1

© «Мурман», 1990 г.

БЫК С ЗОЛОТЫМ РОГОМ

Солнце ещё не взошло.

Туча водрузила на нос очки, вдела нитку в иголку и, пристроившись под тремя звёздочками в углу неба, стала штаны своего сына зашивать. Темно и холодно было в этот час на небе, но что поделаешь? Не днём же этим заниматься, когда любой зевака может задрать голову и увидеть Тученёнка на небе в чём мать родила. Ведь у малыша только одни штаны.

Тученёнок скоро проснулся. Мамаша надела на него залатанные штаны, расчесала ему шевелюру, а потом пригрозила:

— Смотри, скоро и чинить нечего будет! Носишься по небу как угорелый, а ветру только этого и надо. Не штаны, а сплошная бахрама!

Тученёнок не стал спорить и прижался к мягкому мамашину боку.

— С другими детьми я и забот не знала,— ворчала Туча.— Твой старший брат стал большим облачным медведем, бродит сейчас где-нибудь в небе над дальними странами. Средний брат тоже вырос! Стал петухом! А с тобой одна морока. Я уже сесть начинаю от твоих выдумок. Когда ты наконец повзрослеешь?

— Не хочу быть медведем, мам! И петухом тоже! — смеялся лохматый Тученёнок. Он подлизывался к матери и щекотал ей пятку своими воздушными пальчиками.

— Ты моя радость! — ласково сказала старая Туча и прикрыла глаза.

Бедные её ноги, сколько же им пришлось пройти по небесным далям и дорогам. А сколько вёдер дождя перетаскала она? Вечно её куда-то несло, даже и в воскресенье не могла она передохнуть: то летела на ярмарку купить сито для мелкого грибного дождичка, то надо свечек — вдруг ветер погасит звёзды! И только с маленьким ласковым Тученёнком ей порой удавалось побыть минутку в покое.

— Сынок, ты у меня совсем не гро-

ГОТОВА
Лит. № 05/21
ГОТОВА

зовой, и даже не кучевой — просто ласковый. Ладно уж, носись по небу, раз не можешь иначе. Штаны я тебе снова зашью. Только с вечера вдень мне нитку в иголку, что-то я плохо видеть стала. И ещё об одном прошу: не выходи со двора.

— Почему, мам? Так хочется на воле поболтаться.

— Ни в коем случае. Боюсь, что встретишься со страшным Быком. У него огненный рог, и он свободно гуляет по небу. И появляется внезапно, где захочет. Твой дедушка хотел его поймать, но Бык поддел его огненным рогом — и я без отца осталась. В каждом дворе есть его след: в одном поваленный забор, в другом разбитое дерево. Нам-то нечего бояться, твой отец построил надёжные ворота. Пожалуйста, не выходи со двора.

Тученёнок был, конечно, послушным, но не очень. Слушал он мать день, слушал два, а на третий не утерпел. Когда Тучи не было дома, сорвал пучок голубой небесной травы и вышел за ворота, надеясь увидеть Быка. С некоторых пор он только о нём и думал.

Но за воротами не было Быка. Видно, пасся он в другом уголке неба...

Как-то в воскресенье отец Тученёнка вздремнул под облачным деревом, а мать хлопотала на кухне. Услышав шум на дороге, посмотрела Туча в окно и остолбенела. По дороге мимо их дома с рёвом и грохотом мчался небесный Бык. А верхом на нём, схватившись за жёлтый рог, сидел Тученёнок.

— С дороги! — кричал он во всё горло, а Бык нёсся как ураган.

Из всех домов вываливали Тучи и стояли на обочине с разинутыми ртами. Тучи-мамаши прижимали к своим юбкам детей, чтобы они не увидели, как Тученёнок — вот-вот! — упадёт в бездну.

Старая Туча, побелевшая от страха, растолкала своего пузатого мужа.

— Беги, спасай. Мужчина ты или... чучело?!

Но старик только хлопал глазами и топтался на месте: затягивал потуже ремень, завязывал покрепче шнурок, поглубже нахлобучивал шляпу.

Терпение у Тучи лопнуло, и, когда Бык поравнялся с их домом, она подобрала юбку, разогналась получше и — будь что будет — прыгнула на спину Быка. Или спасёт сына, или пропадут вместе!

— Держись за меня, мама! — кричал Тученёнок.

Тучи на обочине в ужасе закрыли глаза, а когда открыли, рёва и грохота уже не было слышно. Бык, который только что брыкался и кувыркался, стоял у обочины и щипал голубую небесную травку...

— Брось-ка мне верёвку! — крикнула Туча мужу. — Мы его укротили.

Откуда взять верёвку в такую минуту? Старик снял ремень, да и другие Тучи-дядьки, что стояли на обочине, отдали свои ремни. Прочная получилась верёвка.

Привязала Туча верёвку Быку на шею, повела его на свой двор.

— Храброго сына вырастила, кума! — хвалили её другие Тучи, пришедшие посмотреть на огромного Быка и его огненный рог. — Да ты и сама молодчина! Взобраться на такое чудовище?!

— А что же было делать? — краснела Туча. — Ну а сын у меня и вправду храбрец, — и она стала латать свою юбку, которую Бык порвал.

С тех пор пасётся Бык у них во дворе, а Тученёнок время от времени посматривает на землю. Как увидит, что какой-нибудь крошка машет ему платком с дымохода, сразу понимает, что Панталонии нужен дождь. Отвязывает он Быка, садится на него верхом и скачет по небесным полям, стряхивает росу с небесной травы.

А когда холодает к ночи, на двор к ним собираются разные Тучи и Облачата и греются до утра около огненного рога небесного Быка.

Перевёл с молдавского Юрий КОВАЛЬ

Фатали САХИБ

ПЯТЁРКА

Поверьте, мы с братом
Умеем считать:
Он учится в ПЯТОМ,
А мне уже — ПЯТЬ!
И пишется это без всякого
Совсем-пресовсем одинаково,
Вот так: 5, 5, 5!

Кто скажет,
На сколько же
Старше он лет,
Поставлю ПЯТЁРКУ
Тому за ответ:
Поверьте, когда
Я не очень спешу,
ПЯТЁРОЧКУ
Очень красиво пишу,
Вот так: 5, 5, 5!

*Перевёл с азербайджанского
Юрий КУШАК*

Алексей СТАРИКОВ

СОРОКА

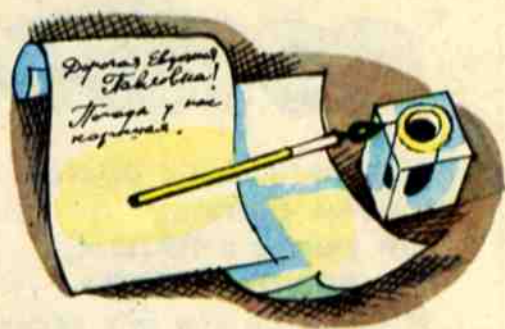
Чего сорока хочет!
О чём она стрекочет!
Как вообще попала
Сорока к нам во двор!
Зачем сороке город!
Неужто ей не дорог
Далёкий лес зелёный,
Сосновый тихий бор!

О чём она стрекочет,
Что сообщить нам хочет!
А вдруг в лесу случилась
Какая-то беда!
Я думаю: сорока,
Сорока-белобока,
Без дела тараторит,
Конечно, не всегда.

Вдруг попытался ночью
Залезть в гнездо сорочье
Проказник полосатый
Нахальный бурндук!
Вдруг разожгли туристы
Такой костёр, что искры
Грозят пожаром лесу!
Всё может быть.
А вдруг!..

В СЕЛЕ ТРОИЦКОМ ПОД ПЕРЕСЛАВЛЕМ. ЗАЛЕССКИМ

Село Троицкое. Поздняя зима. Снега — хоть на лодке по нему плавай, как в старину. Между домами дорожки проложены, словно окопы.

И только от крайнего дома Татьяны Семёновны Частовой никакой дорожки нет, ни к соседям, ни к колодцу, ни к лесу.

Валерка Частов сразу заметил это, когда сошёл с автобуса:

— Не померла ли?

Двенадцать лет Валерке, он в этой деревне родился и вырос. Но живёт он, к сожалению, в Переславле с родителями.

Он спросил у своей тётки — тёти Лиды, как только вошёл в избу:

— А что, Танёнка Частова жива? Или к сыну уехала?

— Никуда она не уехала, — ответила тётка. — Сидит себе сычом в своём доме. Разговаривать ни с кем не хочет. Со всей деревней перессорилась. Даже к Дуняшке Частовой не ходит.

Между прочим, в Троицком что ни дом, то Частовы живут.

— А чего она перессорилась?

— Кто её знает. Она всегда была какая-то чудная. А тебе-то не всё ли равно?

Только Валерке не всё равно. Он всех деревенских людей знает и любит. И не нравится ему, когда кто-то в ссоре, в печали или вовсе заболел.

Он, когда вырастет, наверное, возьмёт этот захудалый колхоз под своё руководство. Станет в нём председа-

лем и выведет колхоз в миллионеры. И твёрдо Валерка решил Татьяну Семёновну со всеми помирить, особенно с её задушевной подругой Евдокией Павловной.

Для начала отправился он на почту, чтобы у почтальонки Анастасии Алексеевны все деревенские новости узнать. У кого корова отелилась, кто машину «Жигули» купил и кому пенсию на десять рублей повысили.

И надо же такому быть, что Татьяна Семёновна — широко известная в сельских кругах пенсионерка — на этой почте собственной персоной сидела, пенсию получить ждала. Ни на кого не смотрела, никуда не оглядывалась. И сердитостью от неё так и веяло во все стороны.

Платком она была перемотана с ног до головы, как пулемётной лентой, но разматываться, видно, не собиралась. А почтальонки Анастасии Алексеевны не было.

— Татьяна Семёновна, — с ходу начал Валерка. — А чего это вы тётю Дуню Частову обидели?

Татьяна Семёновна аж подпрыгнула на своей табуретке:

— Ты что? Кого это я обидела?

— Тётю Дуню. Не разговариваете с ней. Ругаетесь.

— Да я её дурой назвала. Она ведь что заявила! Она сказала, что наши мужики от их колодца ручку взяли.

— И только-то?

— Это тебе только-то! А наши мужи-

